

УДК 327(470:52)(092)Танака Токити
DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.73>

Танака Токити и советско-японские отношения во второй половине 1920-х гг.

С. И. Кузнецов

*Славянско-Евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, г. Саппоро*

Аннотация. Рассматривается дипломатическая деятельность первого посла Японии в СССР Танака Токити. Дана краткая биография японского дипломата. Освещаются обстоятельства назначения Танака в посольство в Москве после установления дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 г. и основные этапы его деятельности в 1925–1930 гг.

Ключевые слова: советско-японские отношения в 1920-е гг., посольство Японии в СССР, Танака Токити – первый посол Японии в Советском Союзе, Сато Наотакэ, Иосидзава Кэнкити.

Для цитирования: Кузнецов С. И. Танака Токити и советско-японские отношения во второй половине 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 24. С. 73–83. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.73>

20 января 1925 г. после длительных переговоров в Пекине была подписана советско-японская Конвенция об основных принципах взаимоотношений. В феврале того же года она была ратифицирована в обеих странах. Япония стала двадцать первой страной, признавшей Советскую Россию. Стороны обменивались посольствами. Подписание советско-японской конвенции отнюдь не означало урегулирования всех спорных проблем двусторонних отношений, среди которых было и территориальное размежевание, и проблема японских концессий. Обстановка требовала назначения на пост посла опытного и авторитетного дипломата. Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) 25 февраля 1925 г. послом СССР в Японии был назначен член коллегии НКВД СССР, уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР Виктор Леонтьевич Копп (1880–1930), хотя первоначально предполагалось назначение А. А. Иоффе [6, с. 344]. Утверждение же японского посла в Москве затягивалось. Советский посол в Пекине Л. М. Карахан 15 февраля 1925 г. докладывал наркому иностранных дел Г. В. Чичерину: «Вопрос об японском поселе в Москву пока не решен. Пока в японской миссии мне частным образом называли трех кандидатов: самого Иосидзаву и теперешних послов в Берлине и Риме» [6, с. 341]. Японский посол в Берлине Хонда Куматаро был карьерным дипломатом, служил в дипломатических представи-

тельствах в Китае, Швейцарии и Австрии. С Россией в своей профессиональной деятельности связан не был. Посол в Италии Отиаи Кэнтаро участвовал в Портсмутской мирной конференции, присутствовал при подписании мирного договора между Японией и Россией.

С точки зрения советского руководства, предпочтительной фигурой был Иосидзава Кэнкити (1874–1965) – японский посланник в Китае, длительное время ведший переговоры с советской делегацией и подписавший в Пекине советско-японскую конвенцию. Л. М. Карахан прямо пишет об этом: «Я также в частном порядке давал понять (японской стороне. – С. К.), что с моей точки зрения наиболее приемлемым был бы Иосидзава, которого в результате переговоров с нами знают лучше и, может быть, единственного, кого знают из японских дипломатов хорошо и к которому питают наибольшее доверие. С моей точки зрения Иосидзава был бы, несомненно, лучшим кандидатом. Контакт более чем в течение года не мог не настроить его благожелательно в отношении нас, и, приехав в Москву, он, несомненно, был бы менее враждебен к нам, чем любой дипломат. При чрезвычайно медленной работе японских мозгов какой-нибудь их посол в Италии или Берлине, находящийся под постоянным влиянием враждебной нам прессы и враждебных дипломатов и информации, несомненно, приехал бы в Москву с большим предубеждением против нас, в то время как в отношении Иосидзава можно сказать, не боясь ошибиться, что он относится к нам с некоторой естественной симпатией, ибо вел в течение года переговоры и подписал соглашение. Это, помимо других хороших качеств Иосидзава, мне кажется, немного даже обязывает» [6, с. 341].

Поверенным в делах Японии в СССР был назначен бывший посол в Польше Сато Наотакэ. Весной 1925 г. он готовился к отъезду на родину после пяти лет службы в Европе и неожиданно получил задание открыть посольство в Москве. Он прибыл в Москву со своей секретаршей Сасаки Сэйго 23 марта 1925 г. Поскольку советское правительство надеялось, что новый посол придет сразу же, оно сначала не хотело, чтобы поверенный в делах открывал посольство, но вынуждено было с этим согласиться. По приезде Сато немедленно отправился в гостиницу «Савой», где открыл офис для подготовки к открытию посольства [10, р. 77]. Прибыв в Москву, Сато повстречался с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, его замом М. М. Литвиновым и заведомом Дальнего Востока НКВД Б. Н. Мельниковым. Первой задачей поверенного был поиск подходящего здания для посольства. Это было сложно, так как большинство подходящих помещений были уже заняты посольствами других стран. Неудачей обернулась и попытка Сато получить из Ленинграда мебель из старого японского посольства. Здание там пустовало, но мебель за прошедшее время исчезла бесследно. Наконец Сато нашел большое здание по Большой Никитской, 43. От советского руководства Сато получил информацию о желательности назначения послом в Москву Иосидзава Кэнкити. Пожелания были переданы в Японию. Как вспоминал сам Сато, для него в то время совершенно непонят-

ным был последовавший вскоре отказ Токио назначить Иосидзава [17, р. 183].

20 апреля Сато встретился с Г. В. Чичериным и сообщил, что «по только что полученному им известию Иосидзава слишком болен, чтобы в скором времени занять место посла. Ввиду этого японское правительство просит агремана для Танака Токити» [6, с. 345]. Сато рекомендовал Танака Токити Г. В. Чичерину как опытного дипломата, который «хорошо знает дальневосточные экономические отношения... Он дружелюбно настроен к СССР, хладнокровный и деловитый человек» [6, с. 345]. Впрочем, для Сато оба эти варианта назначения казались странными, по его мнению, ни тот, ни другой не имели прежде никакого отношения к России и не знали русского языка. Уже после прибытия Танака в Москву Сато узнал, что тот изучал русский язык в Высшей коммерческой школе (будущий университет Хитоцубаси), но к моменту назначения помнил лишь несколько русских слов [17, р. 183]. Американский исследователь истории русско-японских отношений Дж. Ленсен писал, ссылаясь на мемуары самого Иосидзава, что тот сам решительно отказался от назначения в СССР, желая продолжить службу в Китае [12, р. 204]. Впрочем, назначение послом Танака, который на тот момент был заместителем министра иностранных дел, свидетельствовало о том, какое значение Япония придавала отношениям с Советской Россией. Не случайно, что именно ему еще 23 февраля 1923 г. было адресовано секретное письмо премьер-министра Като Томосабуро: «Пришло время предпринять шаги для сближения с Россией. Военно-морские силы рассматривали нефтяные концессии Северного Сахалина как жизненно важный фактор для обороны, и выступают за восстановление дружеских отношений, дружба между Японией и Россией не должна подвергаться угрозе из-за каких-то незначительных проблем» [12, р. 104].

Танака Токити родился в 1878 г. в Миядзу нынешней префектуры Киото, где окончил среднюю школу Ракукита. После окончания Высшей коммерческой школы (Сохё Косюдзё) в Токио (с 1949 г. – Университет Хитоцубаси) он был в октябре 1898 г. назначен вице-консулом, а с декабря 1903 г. – консулом в Сингапуре, Гонконге и Сизтле. Во время службы в Сингапуре Танака предпринял исследование положения японских женщин, стремящихся приехать сюда для занятия проституцией. Этому был посвящен его специальный доклад, отправленный в Токио летом 1906 г. [14, р. 24–25]. В 1908 г. Танака вернулся в Японию и в 1910 г. назначен зав. экономическим департаментом Министерства иностранных дел [16, р. 667]. Позднее, в 1916–1919 гг., он служил советником посольства Японии в Вашингтоне, а с 1919 г. был во главе торгово-экономического департамента МИД. Танака занимал пост заместителя министра при министре иностранных дел Сидэхара Кидзюро в кабинете Като Такааки (1924–1926 гг.). 15 июля 1925 г. японский посол Танака Токити вручил верительные грамоты председателю ВЦИК М. И. Калинину. Когда Сато Наотакэ, ответственный за организацию церемонии, спросил в наркомате иностранных дел о форме одежды на приеме у председателя, ему сказали, что Калинин принимает

иностранных посланников в обычной одежде. Но японский МИД решил, что советскому правительству следует оказать особое уважение. Поэтому японский посол прибыл на церемонию к Калинин в старомодном чопорном костюме. Это была странная сцена, вспоминал Сато, отличающаяся от того, что происходило в любой другой стране мира [17, p. 183–184].

Официальные советские власти подчеркнуто дружественно отзывались о развитии советско-японских отношений и прибытии в Москву нового японского посла. Советские газеты писали: «14 июля 1925 г. прибыл в Москву японский посол Танака Токити. Одновременно с послом прибыл персонал посольства – 18 человек. Японский посол в беседе с сотрудником Российского телеграфного агентства (Роста) заявил по поводу советско-японских взаимоотношений, что заключенный в Пекине советско-японский договор встречен в Японии с большим энтузиазмом. Однако этот договор нельзя назвать совершенным, необходимо его дальнейшее развитие. В Москву прибыла специальная делегация японских промышленников, которая намерена вести здесь переговоры, с целью подписания окончательных концессионных договоров. На вопрос о впечатлениях от своего путешествия Танака ответил: «Хотя мое путешествие продолжалось долго, но было исключительно приятным. Хотел выразить благодарность всем приветствовавшим меня учреждениям и общественным организациям за проявленное по отношению к японскому посольству внимание, оставившее неизгладимое впечатление» [2]. Не менее любезным было и японское посольство. Нарком иностранных дел писал об этом (правда, с известной долей скепсиса) советскому послу в Японии В. Л. Коппу: «Ни одно государство, после признания нашего правительства, не было настолько дружественно в своих изъявлениях по отношению к нам, как японское. Сато при встречах со мной есть прямо-таки воплощенное дружелюбие. Ваши сообщения о приемах у принца-регента, у вдовствующей императрицы и т. п. также указывают на ярко и даже исключительно ярко подчеркнутое дружелюбие. Каков смысл этого, вот что надо расшифровать. Чего они ждут? Хотят ли они территорий для иммиграции, хотят ли они концессий или хотят безопасного тыла для будущей войны с Америкой? У нас с японцами, во-первых, имеется столкновение на подходах к КВЖД. Этот вопрос первостепенной серьезности. Если у японцев имеются дальнейшие виды на Восточную Сибирь, с ними могут быть дальнейшие трения и у них появится разочарование. Что касается нашей будущей торговли с Японией, то она, конечно, сильно нуждается в нашей рыбе, сырье, лесе, но у нас относятся скептически к тому, что мы можем оттуда привозить». Опасения были небезосновательны. «Недоверие возобновилось вскоре после установления дипломатических отношений. Шпионские скандалы начались почти сразу после подписания договора о признании. Советская поддержка Коммунистической партии Японии была увеличена, что привело к усиленному наблюдению за советскими гражданами в Японии. Советские дипломаты постоянно подвергались преследованиям со стороны японских граждан, работающие в советском посольстве в Токио подвергались нападению со стороны их соотечественников. Японские

граждане в Советском Союзе также находились под пристальным наблюдением. Японцы доверяли Советам так же мало, как это делали Советы» [13, р. 25].

Уже 14 июля 1925 г. состоялась встреча японского посла с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным. В их беседе были затронуты многие острые вопросы двусторонних отношений. «Танака хочет в первую очередь разрешить вопрос о сахалинских концессиях.... Он несколько раз подчеркивал, что надо начать с соглашения о сахалинских концессиях и потом перейти ко всему прочему» [6, с. 348–349], – зафиксировано в записи беседы двух дипломатов. В политической области обсуждалось опасение советской стороны относительно попыток Англии возобновить англо-японский союз. Танака прокомментировал это «частным образом»: «Японцы имели настолько тяжелый опыт от союза с Англией, что его возобновление невозможно, ибо во всем народе господствует слишком сильное раздражение против Англии, народное чувство против возобновления союза с Англией» [6, с. 348].

Особым вопросом обсуждения был дальневосточный узел противоречий. При этом Танака многозначительно заявил о том, что «Япония теперь относится совершенно иначе к Китаю, чем некоторое время тому назад, и что постепенно во всей политике Японии наступает глубокая перемена. Япония нуждается в сохранении своего теперешнего положения в Корее и отчасти в Маньчжурии» [6, с. 349]. Чичерин упомянул о другом больном вопросе – строительстве железной дороги Таонаньфу – Цицикар, указав, что китайцы собираются ее строить вместе с ЮМЖД. Танака ответил, что ее строят сами китайцы, но что мы сумеем договориться, чтобы она не вредила СССР. Считается, что «японцы стремились снизить советские доходы от КВЖД за счет конкуренции с нею других железных дорог, строящихся на японские деньги военной кликой Чжан Цзолиня» [9, с. 35]. Особую угрозу в связи с этим представляли две линии: Таонаньфу – Цицикар с продолжением к Сахалину и Гириу – Дунхуа с продолжением к Сэйсину в Корее. Первая из них перерезала КВЖД, обходя Хинганскую стратегическую петлю у разъезда Бухэду и проникая в тыл советского Приамурья и Приморья у Благовещенска. Позже, после запрещения строительству пересекать линию КВЖД, японцы приостановили строительство этой железной дороги. Затем посол Танака неоднократно вел переговоры с наркомом Чичериным по поводу позиций сторон в Северном Китае. Москва подчеркивала при этом, что Чжан Цзолинь – это главное препятствие советско-японским отношениям.

5 сентября 1926 г. Танака высказал опасения японской стороны по поводу особых отношений СССР с Монголией и, в частности, поставок оружия этой стране [7, с. 51].

Что касается проблемы японских концессий, то в августе 1925 г. шли советско-японские переговоры, которые в декабре того же года завершились подписанием трех договоров между СССР и японскими фирмами на сдачу последним нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

Вскоре после прибытия Танака в Москву произошла странная история с раскрытием ОГПУ заговора против него. В «Особой папке» Политбюро ЦК РКП(б) содержится протокол заседания 23 июля 1925 г., на котором сре-

ди прочих вопросов НКВД слушался доклад Г. В. Чичерина и Г. Ягоды о заговоре против японского посла. Политбюро постановило: «Заговор ликвидировать по возможности без огласки. Лиц, непосредственно замешанных в этом деле и в особенности руководивших им, выслать из СССР, высылке в этом случае подлежат и члены дипломатического посольства (предполагалось, что заговор якобы готовила группа китайцев, проживавших в Москве. – С. К.). Список подлежащих высылке установить тт. Чичерину и Ягоде. Тов. Ягоде информировать МК (Московский комитет партии. – С. К.) в том смысле, что причиной произведения арестов и высылки является связь этих лиц и самого заговора с английской агентурой» [1, с. 26]. Неизвестно, был ли это реальный заговор или же хитроумная операция ОГПУ, проведенная с целью мотивирования открытой, легальной слежки за послом. О том, что таковая была установлена, свидетельствует запись беседы Танака с наркомом Г. В. Чичериным 23 сентября 1925 г.: Танака спросил Чичерина, как обстоит дело с китайскими заговорщиками. Чичерин ответил, что «следствие несколько затянулось ввиду необходимости получения дополнительных сведений, но что теперь в ближайшем будущем заговорщики, согласно желаниям китайского и японского правительств, будут высланы в Китай... Танака тогда сказал, что если этот вопрос является уже ликвидированным, то он просил бы прекратить установленную секретную его охрану, которая вызывает всеобщее внимание. Когда он куда-нибудь едет, секретные агенты садятся вместе с ним в автомобиль и вообще не отступают от него ни на шаг. При этом Танака многозначительно засмеялся, давая понять, что это имеет особый смысл» [6, с. 615–616].

В течение длительного времени велись советско-японские переговоры по вопросам рыболовства и рыболовных концессий на Дальнем Востоке, в которых роль японского посла была весьма существенна. Опытный экономист и жесткий переговорщик Танака очень уверенно вел японскую линию на ограничение участия советской кооперации в рыбоконсервной промышленности на Дальнем Востоке, закладывая элементы советско-японского кондоминиума в конвенционных водах. Конечной целью японской дипломатии в этом было лишение СССР права регулировать рыболовство в конвенционных водах. Основные разногласия между двумя сторонами касались следующих вопросов: 1) участия кооперации в торгах; 2) участия смешанных обществ на торгах; 3) правил открытия новых консервных заводов; 4) фискальных вопросов; 5) условий труда на консервных заводах. Их итогом было подписание 23 января 1928 г. советско-японской рыболовной конвенции. Вероятно, ее принятие можно назвать одним из наиболее важных дипломатических успехов Танака на посту посла в СССР.

В начале 1926 г. Танака обсуждал с Чичериным возможность размещения на советском Дальнем Востоке японских сельскохозяйственных концессий. Он обратил внимание наркома на то, что «в Японии имеются серьезные деловые люди, желающие завести на советской территории рисовые плантации. Япония страдает от недостатка риса, и японцы сильно желали бы, чтобы в соседних странах была больше развита рисовая культура. Они берутся

обучать этому русских крестьян с тем, чтобы в дальнейшем рисовая культура на советской территории развивалась силами русских крестьян. Можно было бы создавать для этой цели смешанные общества. Посол привел как пример американских фермеров, научившихся у японцев рисовой культуре» [4, с. 162]. Инициатором этой идеи был известнейший японский политик Гото Симпэй, который пытался продвигать идею создания Акционерного общества освоения Дальнего Востока. Однако большевики на это не пошли.

19 января 1930 г. посол Танака передал в Наркомат иностранных дел протест Японии против связей советского полпредства с японскими коммунистами и оказания им финансовой помощи со стороны Коминтерна. Он привел сведения о конкретных денежных суммах, переданных японским коммунистам от работников Коминтерна К. Э. Янсона, председателя дальневосточного исполкома Коминтерна в Шанхае Г. Н. Войтинского, вице-консула в Шанхае С. Л. Вильде [7, с. 315]. Ответ, полученный послом, был стереотипен: Коминтерн – частная организация, за деятельность которой советское правительство не несет никакой ответственности [7, с. 316]. Передача средств японским коммунистам позже была документально подтверждена [8, с. 177] и производилась фактически в нарушение условий Пекинской конвенции.

12 августа 1930 г. Танака Токити отбыл в Японию в отпуск, обратно он уже не возвратился. А вскоре был назначен новый посол – бывший посланник в Голландии Хирота Коки.

За пятилетний период под началом посла Танака в московском посольстве служили японские дипломаты: советники Ямадзаки Дзиро, Сако Сюити, Амау Фудзи, Ёсино Гиндзиро, Сасамото Ёсио, Юхаси Сигэто, Тэраока Нобухито, Хироока Тамоцу, Манива Хидэфуми, Эндо Томио, Симидзу Такэхиса, Такаяма Рёдзо, Такасуги Нобуру, Ода Хидэ, Цудзи Масанао; первые секретари Сугисита Юдзиро, Амаги Токудзи, Сасаки Катсусабуро; вторые секретари Сасаки Сэйго, Ниси Харухико, Сасаки Катсусабуро, Сугисита Юдзиро, Симада Масахару, Миякава Фунао, Симада Сигэру; третьи секретари Миякава Фунао, Андо Гирё, Нарусэ Сюнсукэ; атташе Касэ Сюнити, Огата Сёдзи, Камимура Синьити, Миура Кадзуити, Исикава Минору, Матида Дзицуо; военные атташе Микэ Кадзуо, Комацубара Мититаро, Касахара Юкио; помощники военного атташе Курасигэ Сюдзо, Хата Хикосабуро, Томинага Кёдзи, Ямаока Мититакэ; военно-морские атташе Икэнака Кэнити, Масаки Кадцудзи, Коянаги Кисабуро, Арима Кан; помощники военно-морского атташе Накасэ Нобору, Кавабата Масахару, Мацумото Итиро; секретарь по торговле Каватани Кодзаэмон; секретари Идзуми Кодзо, Коянаги Юкио; вице-консул Коянаги Юкио; переводчики Симада Масахару, Миякава Фунао; студенты-переводчики Хироока Тамоцу, Сато Тэцумацу [11, р. 98–111]. Многие из них продолжили дипломатическую карьеру и после работы в Москве. Симада Масахару был генеральным консулом в Хабаровске в 1937–1938 гг., Симада Сигэру занимал этот же пост в 1937–1938 гг. Сасаки Сэйго был генеральным консулом в Александровске в 1926–1933 гг., Огата Сёдзи – консулом в Петропавловске в 1935 г. В Москве продолжили службу

Юхаси Сигэто (третий секретарь посольства в 1942–1943 гг.), Хироока То-моцу (советник в 1960–1962 гг.), Такаяма Рёдзо (советник в 1957–1959 и 1965–1968 гг.). Военную карьеру сделал бывший военный атташе Кома-цубара Мититаро. Позже он возглавлял японскую военную миссию в Хар-бине, дослужился до генерал-лейтенанта, возглавлял (неудачно) японскую военную группировку в боях на Халхин-Голе. Помощник военного атташе Хата стал генерал-лейтенантом, начальником штаба Квантунской армии, участвовал в Советско-японской войне 1945 г., попал в плен и содержался в СССР вплоть до 1956 г. Другой помощник – Томинага Кёдзи в 1943 г. стал заместителем военного министра Японии, дослужился до звания генерал-лейтенанта. Также был в советском плену до середины 50-х гг. Ямаока Ми-титака в 1943 г. стал генерал-майором и начальником 2-го (разведывательного) отделения штаба Квантунской армии.

После возвращения из СССР, в 1932 г. Танака Токити был направлен в Маньчжоу-Го во главе делегации на церемонию формирования правительства. После отставки с дипломатической службы с 1933 г. Танака ушел в газетный бизнес – он возглавил издательский дом Chugai Shogyo (нынешнее издательство «Нихон кэйдзай симбунся»). В 1936 г. Танака стал президентом агентства новостей «Домэй Цусинся», возникшего в результате слияния телеграфного агентства «Нихон Дэмпо цусинся» и «Нихон кэйдзай рэн-гося», с 1940 г. – член комитета по туризму. В 1943 г. Танака стал депутатом верхней палаты японского парламента. После капитуляции Японии во Второй мировой войне Танака лишился своих постов, а 16 мая 1946 г. подал в отставку с поста депутата верхней палаты японского парламента. В 50-е гг. он как бывший посол принимал участие в советско-японских переговорах по вопросам рыболовства. Умер Танака Токити 3 октября 1961 г., похоронен в Токио на кладбище Аояма.

В 1928 г. Танака опубликовал свои впечатления о Советском Союзе, в котором прожил к этому моменту около трех лет. статье он дал краткий обзор международного положения СССР, результатов НЭПа, особенностей внутренней политики. Танака довольно скептически оценил возможности диктатуры пролетариата, которую назвал «властью непрофессионального класса» [15, р. 7–19]. В 1932 г. Танака опубликовал статью «Советско-японские отношения» в журнале, издаваемом Внешнеполитической ассоциацией Японии [15, р. 16–22]. Статья написана на английском языке и пред-назначалась, как и, собственно, журнал, для иностранных дипломатов и журналистов. Статья небольшая и достаточно подробно проанализирована в монографии В. Э. Молодякова [5, с. 410–413]. Танака пишет: «То, что мы, японцы, восхищаемся превосходными и замечательными качествами русского народа и уважаем его величие как нации, не подлежит сомнению. Тем не менее, как свидетельствует история, величие часто порождает опасения. Более того, появление советского режима создало из старой России новый мир, не функционирующий ни по одному из прежних принципов» [15, р. 16]. По мнению Танака, само создание Советской России породило несколько факторов, которые в будущем могут осложнить двусторонние от-

ношения. К таким факторам он относит рост обороноспособности СССР. «Был счастливый период, когда мы почти забыли о необходимости наблюдать за севером. Однако постепенно на горизонте появились новые силы и мощная армия Советского Союза. Я не очень знаком с военными вопросами, но эксперты считают, СССР сейчас действительно представляет собой реальную военную силу» [15, р. 17]. К другим факторам, которые в будущем могут серьезно осложнить советско-японские отношения, Танака причислял возможные противоречия в Северном Китае. При этом он полагает, что Япония традиционно имеет какие-то особые права на эти территории. Дестабилизирующим фактором Танака считал деятельность Коминтерна, в том числе подготовку его кадров в Москве. Опасения он высказывал и по поводу односторонней ориентации Монголии на Советский Союз. Танака писал: «Я не собираюсь описывать, что делается там (в Монголии. – С. К.) Советским Союзом, по той простой причине, что не владею всей информацией. То, что мы знаем в настоящее время, заключается в том, что почти полностью прекращены свободные поездки и свободная торговля с Монголией. Что касается Японии, то Монголия теперь для нас закрыта. За исключением нескольких научных исследователей, положение европейцев и американцев в этом отношении кажется не лучше. Даже Китай отстранен от контактов с Внешней Монголией... Одна страна в мире фактически монополизировала торговлю и связи с огромной территорией: Внешняя Монголия – это Советский Союз. Теперь позвольте мне сказать, что думают об этом в Японии. Собственно говоря, нас особо не интересует политический режим во Внешней Монголии. Нам не важно, какую политическую, финансовую или стратегическую помощь или консультации дают монголам Советы или, если на то пошло, какая-либо другая страна. Японцы очень огорчены тем, что все двери Монголии закрыты за исключением задней двери, которая широко открыта в Россию. Возможно, наши русские друзья могут сказать нам, что такое положение вещей связано не с выбором России, а с выбором самих монголов, и что русские вовсе не возражают, чтобы монголы открыли другие двери. Но я лично полагаю, что выбор тут далеко не полностью зависит от монголов. Во всяком случае, японский народ не удовлетворен нынешним положением вещей, и разумно предположить, что однажды, когда японцы будут больше заинтересованы в отношениях с Монголией, чем сейчас, они натолкнутся на закрытые двери» [5, р. 21–22].

Деятельность Танака Токити на посту дипломатического представителя Японии в Советском Союзе пришлась на первое пятилетие установления дипломатических отношений между двумя странами. Его дипломатия, которая, как и полагается, преследовала исключительно национальные интересы, была по-японски прагматичной. При его непосредственном участии две страны сделали существенные шаги в области взаимовыгодных экономических отношений.

Список литературы

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 гг. М. : Роспэн, 2001. 790 с.
2. Власть труда. 1925. 17 июля.

3. Документы внешней политики СССР. М. : Изд. Полит. лит., 1963. Т. 8. 760 с.
4. *Молодяков В. Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. М. : Аиро-XXI, 2006. 335 с.
5. *Молодяков В. Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М. : АИРО-XXI, 2012. 655 с.
6. Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931 : сб. док. В 2 кн. Кн. 1: 1921–1925. М. : Наука, 2007. 757 с.
7. Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931 : сб. док. В 2 кн. Кн. 2: 1926–1931. М. : Наука, 2007. 460 с.
8. *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае, 20-е гг. XX в. М. : Олма-пресс, 2007. 382 с.
9. *Черевко К. Е.* Серп и молот против самурайского меча. М. : Вече, 2003. 377 с.
10. *Gubler Greg.* The Diplomatic Career of Sato Naotake (1882–1971). Diss. For the degree of PhD. Florida State Univ., 1975. 346 p.
11. *Lensen G. A.* Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. Tokyo : Sophia Sophia Univ. Press, 1968. 230 p.
12. *Lensen George.* Japanese Recognition of the USSR. Soviet-Japanese Relations 1921–1930. Tokyo : Sophia Univ. Press, 1970. 419 p.
13. *Ferguson Joseph.* Japanese-Russian Relations, 1907–2007. London : Routledge, 2011. 280 p.
14. *Mihalopoulos Bill.* Sex in Japan's Globalization, 1870–1930. London : Routledge, 2016. 208 p.
15. *Tanaka Tokichi.* Soviet-Japanese Relations // Contemporary Japan. 1932. Vol. 1. N 1. P. 16–22.
16. *Ishikawa Yasujiro.* The who's who in Japan. Tokyo, Keiseisha, 1915. 780 p.
17. *Сато Наотакэ.* Кайко хатидзю нэн (Воспоминания о восьмидесяти годах). Токио : Дзидзи Цусинся, 1963. 575 p.
18. *Танака Токити.* Собиэто рэнпо-но утидзэ (Внутреннее положение Советского Союза // Кокусай тисики. Т. 9, № 2. С. 7–19.

Tanaka Tokichi and Soviet-Japanese Relations in the Second Half of the 1920s

S. I. Kuznetsov

Slavic-Eurasian Research Center University of Hokkaido, Sapporo

Abstract. The article is devoted to the diplomatic activities of the first Ambassador of Japan to the USSR, Tanaka Tokichi. A short biography of a Japanese diplomat is given. The circumstances of Tanaka's appointment to the embassy in Moscow are described after the establishment of diplomatic relations between the USSR and Japan in 1925 and the main stages of his activity in 1925–1930.

Keywords: Soviet-Japanese relations in the 1920s, Japanese Embassy in the USSR, Tanaka Tokichi – first ambassador to the Soviet Union, Sato Naotake, Yoshizawa Kankichi.

For citation: Kuznetsov S.I. Tanaka Tokichi and Soviet-Japanese Relations in the Second Half of the 1920s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 24, pp. 73-83. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.73> (in Russian)

References

1. *VKP(b), Komintern i Yaponiya, 1917-1941 gg.* [VKP(b), Comintern and Japan in 1917-1941]. Moscow, Rospen, 2001. 790 p. (in Russian)
2. *Vlast' truda*, 1925, 17 iyulya. (in Russian)

3. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [The Documents of External Policy of the USSR]. Moscow, Izd. Polit. Literatury, 1963. Vol. 8. 760 p. (in Russian)
4. Molodyakov V. E. *Goto Simpei i rusско-японские otnosheniya* [Goto Shimpei and Russian-Japanese Relations]. Moscow, Airo-XXI, 2006. 335 p. (in Russian)
5. Molodyakov V.E. *Rossiya i Yaponiya v poiskakh soglasiya (1905-1945). Geopolitika. Diplomatiya. Lyudi i idei* [Russia and Japan in search of agreement (1905-1945). Geopolitics. Diplomacy. People and Ideas]. Moscow, AIRO-XXI, 2012. 655 p. (in Russian)
6. *Moskva – Tokio. Politika i diplomatiya Kremlya 1921-1931*. Sb. dok. V 2 kn. [Moscow-Tokyo Politics and diplomacy of the Kremlin 1921-1931]. Moscow, Nauka, 2007. Kn. 1. 1921-1925. 757 p. (in Russian)
7. *Moskva – Tokio. Politika i diplomatiya Kremlya 1921-1931*. Sb. dok. V 2 kn. [Moscow – Tokyo Politics and diplomacy of the Kremlin 1921-1931]. Moscow, Nauka, 2007. Kn. 2. 1926-1931. 460 p. (in Russian)
8. Usov V.N. *Sovetskaya razvedka v Kitae, 20-e gody XX veka* [Soviet intelligence in China in the 20s of the 20th century]. Moscow, Olma-press Publ., 2007. 382 p. (in Russian)
9. Cherevko K.E. *Serp i molot protiv samuraiskogo mecha* [Sickle and hammer against the samurai sword]. Moscow, Veche Publ., 2003. 377 p. (in Russian)
10. Gubler Greg. The Diplomatic Career of Sato Naotake (1882-1971). *Diss. For the Degree of PhD. Florida State Univ.*, 1975. 346 p.
11. Lensen G. A. Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. *Tokyo, Sophia Univ. Press*, 1968. 230 p.
12. Lensen George. Japanese Recognition of the USSR. *Soviet-Japanese Relations 1921-1930. Tokyo, Sophia Univ. Press*, 1970. 419 p.
13. Ferguson Joseph. Japanese-Russian Relations, 1907-2007. London, Routledge, 2011. 280 p.
14. Mihalopoulos Bill. Sex in Japan's Globalization, 1870-1930. London, Routledge, 2016. 208 p.
15. Tanaka Tokichi. Soviet-Japanese Relations. *Contemporary Japan*, 1932, Vol. 1, N 1, pp. 16-22.
16. Ishikawa Yasujiro. The who's who in Japan. *Tokyo, Keiseisha*, 1915. 780 p.
17. Sato Naotake. *Kaiko khachidzyu nen* [Memory about 80s]. Tokyo, Dzidzi Tsusinsya, 1963. 575 p. (in Japanese)
18. Tanaka Tokichi. *Sobieto renpo-no uchidjo* [Internal Situation in the USSR]. *Kokusai chisiki*, 1928, Vol. 9, N 2, pp. 7-19. (in Japanese)

Кузнецов Сергей Ильич

доктор исторических наук, профессор,
приглашенный профессор
Славянско-Евразийский
исследовательский центр
Университета Хоккайдо
Япония, 060-0809, Саппоро, Кита-ку, Ку-
та 9, Ниси 7
тел.: 011-706-0802.
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Kuznetsov Sergey Ilyich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Special Appointed Professor
Slavic-Eurasian Research Center
University of Hokkaido
Kita-ku, Kita 9, Nishi 7, Sapporo, 060-0809,
Japan
tel.: 011-706-0802
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru